

KATABASIA

Восстановитель репутаций

(«Король в жёлтом», Роберт Чамберс)

«Ne raillons pas les fous;

leur folie dure plus longtemps que la nôtre...

Voila toute la différence»[1]

К концу года 1920-го правительство Соединенных Штатов практически завершило программу, начатую в последние месяцы администрации президента Уинтропа. В стране царил покой. Все знали, что вопросы налогов на импорт и экспорт и вопрос трудового законодательства улажены. Война с Германией и захват немцами островов Самоа не оставили видимых шрамов на республике, а временная оккупация Норфолка армией захватчиков прошла незамеченной в ликовании из-за неоднократных морских побед и последующей до смешного нелепой капитуляции сил генерала фон Гартенлаубе в штате Нью-Джерси. Инвестиции в Кубу и Гавайи окупились на сто процентов, а территория Самоа оправдала свою стоимость как успешная угольная база. Оборона страны была на высоте. Каждый побережный город укрепили наземными фортификациями; армия под надзором Генерального штаба, организованная по прусской системе, выросла до 300 000 человек, а резервистов насчитывалось до миллиона; и шесть великолепных эскадрилий крейсеров и линкоров бороздили шесть регионов судоходных морей, тогда как домашние воды контролировал могучий паровой резерв. Господа с запада наконец были вынуждены признать необходимость основания колледжа для обучения дипломатов, как и юридических школ для барристеров; впоследствии за границей нас больше не представляли некомпетентные ура-патриоты. Нация процветала; Чикаго, парализованный было великим пожаром, восстал из пепла, белый, величественный и еще более чудесный, чем потешный городок, построенный там в 1893 году[2]. Хорошая архитектура повсеместно заменила плохую, и даже в Нью-Йорке во внезапном порыве приличия снесли большую долю существовавших ужасов. Улицы расширили, замостили и осветили, высадили деревья, раскинули площади, надземные железные дороги демонтировали, а взамен выкопали подземные. Здания и бараки нового правительства являли собой замечательные образчики архитектуры, а протяженная система каменных мостовых, полностью окружавшая остров, была обращена в

парки, какие тут же полюбило местное население. Субсидирование государственного театра и оперы также принесло свои плоды. Национальная академия искусств Соединенных Штатов поднялась на уровень европейских институтов. Никто не завидовал министру культуры, как и его кабинету и должности. Куда легче приходилось министру лесного хозяйства и охраны природы, во многом благодаря Национальной Конной полиции. Также благотворно сказались на экономике последние договоры с Францией и Англией; изгнание евреев иностранного происхождения как мера самосохранения, основание нового независимого негритянского штата Суани, обязательная проверка иммигрантов, новые законы о натурализации и постепенная централизация исполнительной власти также приносили вклад в копилку национального покоя и процветания. Когда правительство решило проблему индейцев, и эскадроны индейской кавалерии в племенной форме заменили жалкие истощенные полки бывшего министра обороны, страна вздохнула с облегчением. Когда же после колоссального Конгресса Религий фанатизм и нетерпимость навек упокоились в прошлом, а доброжелательность и милосердие сблизили непримиримые секты, многие думали, что уже наступил новый мир – а точнее, мир, каким он и должен быть.

Но вопрос самосохранения стоял прежде всего, и потому США пришлось с болью беспомощно наблюдать, как Германия, Италия, Испания и Бельгия корчились в муках анархии, пока Россия, зорко высматривая свой шанс с хребтов Кавказа, сошла и покорила их одну за другой.

В Нью-Йорке лето 1899-го отметились разрушением надземных железных дорог. Лето 1900-го на долгое время останется в памяти нью-йоркцев; в этот год была убрана статуя Доджа[3]. В следующую зиму возникло движение за отмену законов, запрещающих самоубийство, которое принесло свои плоды в апреле 1920-го, когда на площади Вашингтона торжественно открыли Государственную Палату Смерти.

В тот день я шел от дома доктора Арчера на Мэдисон-авеню, который посещал из чистой формальности. Со времен падения из седла четыре года назад меня иногда мучили боли в затылке и шее, но уже несколько месяцев я о них не вспоминал, и в этот день доктор отослал меня со словами, что более во мне излечить нечего. За такие советы едва ли стоило платить; я и сам это знал. Но все же обиду я на него держал не из-за денег. Больше меня оскорбила его первая ошибка. Когда меня

подняли с брусчатки, без сознания, и, милосердно пустив коню пулю между глаз, принесли доктору Арчеру, он, объявив, что-де поврежден мой мозг, поместил меня в свою частную психиатрическую лечебницу, где мне пришлось проходить лечение от безумия. Наконец он решил, что я здоров, а я, зная, что мой рассудок всегда был столь же ясен, как и его, если не яснее, уплатил, как он шутливо выразился, «за обучение» и ушел. Я сказал с улыбкой, что еще поквитаюсь за его ошибку, и он сердечно рассмеялся и просил иногда его навещать. Так я и делал в надежде на случай рассчитаться, но такого пока не выпадало, и я обещал доктору, что готов подождать.

Падение с коня, по счастью, не повлекло ужасных последствий; напротив, мой характер изменился к лучшему. Из юного ленивого прожигателя жизни я стал активным, энергичным, темпераментным и прежде всего – о, прежде всего! – амбициозным. Меня угнетало только одно – хоть я смеялся над своей тревогой, все же не мог выкинуть ее из головы.

Во время выздоровления я приобрел и впервые прочел «Короля в желтом». Помню, заканчивая первый акт, я подумал, что лучше остановиться. Я вскочил и швырнул книгу в камин; том ударился о решетку и раскрылся в пламени. Если бы мне не бросилось в глаза начало второго акта, я бы ни за что не дочитывал, но, когда я наклонился извлечь книгу, открытая страница приковала мой взгляд, и с криком ужаса или, быть может, удовольствия столь ядовитого, что в каждом нерве отдалась боль, я выхватил томик из углей и, запинаясь, побрел в спальню, где прочел все и перечел, и рыдал, и смеялся, и дрожал от ужаса, который порою может нахлынуть и сейчас. Вот что меня угнетает, ибо не забыть мне Каркозу, где в небесах висят черные звезды; где тени человеческих мыслей вытягиваются в полдень, когда солнца-близнецы тонут в озере Хали; и в моем разуме навсегда запечатлено воспоминание о Бледной Маске. Молю Бога, чтобы он проклял автора, ибо автор проклял мир своим чудесным, изумительным творением, ужасным в своей простоте, неотразимым в своей истинности – мир, который теперь дрожит пред Королем в Желтом. Когда французское правительство арестовало переведенный тираж, только что прибывший в Париж, Лондону, конечно же, не терпелось прочесть пьесу. Хорошо известно, как книга распространялась, словно инфекция, от города к городу, от континента к континенту, запрещенная там, конфискуемая тут, осужденная прессой и церковью, заклеяленная даже самими

отъявленными литературными анархистами. На этих ужасных страницах не попирались принципы, не пропагандировались доктрины, не были поруганы убеждения. Пьесу невозможно было упрекнуть ни по одним известным стандартам, и все же, хотя и признавалось, что в «Короле в Желтом» достигнуты величайшие высоты искусства, чувствовалось, что человеческая природа не способна выдержать напряжения, получить удовольствия от слов, в которых таилась самая суть чистейшей отравы. Банальность и невинность первого акта лишь придавали последующему удару более жуткий эффект.

Было, как я помню, 13 апреля 1920, когда на южной стороне площади Вашингтона, между Вустер-стрит и Южной Пятой Авеню, открыли первую Государственную Палату Смерти. Квартал, ранее состоявший из теснящихся старых зданий с кафе и ресторанами для иностранцев, правительство приобрело еще зимой 1898-го. Французские и итальянские кафе и рестораны снесли; весь квартал забрали позолоченным железным забором и обратили в прекрасный сад с лужайками, клумбами и фонтанами. В центре сада стояло небольшое белое здание, строгого классического стиля, окруженное зарослями цветов. Шесть ионических колонн поддерживали крышу, а единственная дверь была из бронзы. Подле дверей красовалась великолепная мраморная скульптурная группа «Мойры», работа молодого американского скульптора, Бориса Ивейна, умершего в Париже всего в двадцать три года.

Когда я пересек Университи-плейс и вошел на площадь, церемония открытия была в самом разгаре. Я пробирался через безмолвную толпу зрителей, но на Четвертой Стрит путь мне преградил полицейский кордон. Вокруг пустой площади у Палаты Смерти стоял полк уланов Соединенных Штатов. На высокой трибуне, глядящей на Вашингтонский парк, выступал губернатор Нью-Йорка, а позади него столпились мэр Нью-Йорка и Бруклина, генеральный инспектор полиции, комендант войск штата, полковник Ливингстон – военный советник президента Соединенных Штатов, генерал Блаунт – командующий на Губернаторском острове, генерал-майор Гамильтон – командующий гарнизонами Нью-Йорка и Бруклина, адмирал флота на Северной реке Баффби, генеральный хирург Лэнсфорд, персонал Национальной общественной больницы, сенаторы Нью-Йорка Уайз и Франклин и комиссар общественных работ. Трибуну окружал эскадрон гусар Национальной Гвардии.

Губернатор заканчивал ответ на короткий спич генерального хирурга. Я слушал, как он говорил: «Законы, запрещающие самоубийство и наказывающие любую попытку самовредительства, отменены. Правительство считает нужным признать право человека окончить свое существование, если оно стало невыносимым ввиду физических страданий или духовного отчаяния. Считается, что сообщество выиграет, если из него удалить таких членов. Со времени принятия закона число самоубийств в Соединенных Штатах не увеличилось. Теперь правительство полно решимости возвести Палату Смерти в каждом городе и деревне в стране, и остается только наблюдать, примет ли тот класс людей, в рядах которого ежедневно появляются самоубийцы, нашу помощь». Он сделал паузу и повернулся к Палате Смерти. Над улицей повисла абсолютная тишина. «Всякого, кто больше не в состоянии выносить жизненные тяготы, в Палате ждет безболезненная смерть. Если вам нужна смерть – ищите ее здесь». Затем, быстро повернувшись к военному советнику президента, он сказал: «Я объявляю Палату Смерти открытой!» – и, снова обратившись к широкой толпе, громко воскликнул: «Граждане Нью-Йорка и Соединенных Штатов Америки, властью, данной мне государством, я объявляю Палату Смерти открытой».

Торжественное молчание было прервано отрывистой командой, эскадрон гусар отправился вслед за экипажем губернатора, уланы построились вдоль Пятой Аvenues в ожидании коменданта гарнизона, их примеру последовала конная полиция. Я оставил толпу, разглядывающую белую мраморную Палату Смерти, и, перейдя Южную Пятую Аvenues, двинулся по западной стороне проезда до Бликер-стрит. Затем свернул направо и остановился у замызганной лавки с вывеской:

ХАУБЕРК, ОРУЖЕЙНИК

Я заглянул в двери и увидел в конце коридора Хауберка за работой. Он поднял взгляд и, заметив меня, воскликнул глубоким добрым голосом: «Входите, господин Кастань!» Констанс, его дочь, вскочила мне навстречу, когда я переступил порог, и протянула прелестную ручку, но я заметил на ее щеках румянец разочарования и понял, что она ожидала другого Кастаня – моего кузена Луи. Я улыбнулся ее смущению и сделал комплимент узору, что она вышивала по образцу с расписной тарелки. Старый Хауберк заклепывал ножные латы какого-то древнего доспеха, и по старинной лавочке приятно разносилось динь! динь! динь! его молотка. Теперь он бросил молоток и хлопотал с крошечным гаечным

ключом. От мягкого звона кольчуги по мне прокатилась волна удовольствия. Я любил слушать музыку стали о сталь, сочный стук колотушки по наголенникам и бряцанье кольчуги. То была единственная причина, по которой я заходил к Хауберку. Лично он меня никогда не интересовал, как и Констанс – разве что тем, что она была влюблена в Луи. Это привлекало мое внимание и иногда не давало уснуть по ночам. Но в глубине души я знал, что все наладится и что я устрою их будущее так же, как моему доброму доктору, Джону Арчеру. Однако я бы никогда не утруждал себя визитами к ним, если бы, как я упомянул, мне так не нравилась музыка звенящего молотка. Я мог сидеть часами, слушая и слушая, и когда шальной солнечный лучик касался инкрустированной стали, блаженство от этого зрелища становилось таким щемящим, что почти невыносимым. Я не сводил глаз, зрачки расширились от удовольствия, которое натягивало каждый нерв почти до упора, пока какое-нибудь движение старого оружейника не перекрывало луч и, все еще втайне дрожа, я откидывался и снова слушал шуршание тряпки для полировки, ширх! ширх! по заклепкам.

Констанс работала над вышивкой, иногда приостанавливаясь, чтобы ближе изучить узор на тарелке из Музея Метрополитен.

– Для кого это? – спросил я.

Хауберк объяснил, что вдобавок к хранилищу амуниции Музея, за которым он присматривал, он также занимался несколькими коллекциями богатых любителей. Его клиент отыскал недостающий наголенник знаменитого доспеха в маленькой лавке в Париже на Ке д'Орсе. Он, Хауберк, сторговался и приобрел наголенник, и теперь доспех был завершен. Он отложил молоток и поведал мне историю доспеха, прослеженную с 1450 года от владельца к владельцу, пока его не приобрел Томас Стейнбридж. Когда его великолепная коллекция была продана, клиент Хауберка приобрел доспех, и с тех пор развернулись поиски недостающего наголенника, пока тот, почти случайно, не нашелся в Париже.

– Вы так настойчиво продолжали поиски, не зная точно, существует ли этот наголенник? – осведомился я.

– Конечно, – холодно ответил он.

Тогда я впервые живо заинтересовался Хауберком.

– Он должен много стоять, – предположил я.

– Нет, – ответил он, смеясь, – наградой для меня стала его находка.

– Разве вы не стремитесь разбогатеть? – поинтересовался я с улыбкой.

– Единственное мое стремление – стать лучшим оружейником на свете, – отвечал он серьезно.

Констанс спросила, видел ли я церемонию у Палаты Смерти. Она заметила кавалерию, проходившую утром по Бродвею, и желала сама посетить открытие, но отец настоял, чтобы узор был закончен поскорей, и она послушалась его желания.

– Вы не видели там своего кузена, господин Кастань? – спросила она с легким трепетом мягких ресниц.

– Нет, – отвечал я беспечно. – Полк Луи на маневрах в графстве Вестчестер. – я поднялся и взял шляпу и трость.

– Вы снова собираетесь повидать ненормального? – засмеялся старый Хауберк. Если бы он знал, как я презираю это слово – «ненормальный», – он бы никогда не употреблял его в моем присутствии. Оно пробуждало во мне чувства, в подробности о которых я не желаю вдаваться. Однако я тихо отвечал:

– Думаю, загляну к господину Уайльду на минуту-другую.

– Бедный малый, – сказала Констанс, покачав головой. – Должно быть, тяжело жить одному год за годом, будучи несчастным, почти безумным калекой. Как благородно с вашей стороны, господин Кастань, так часто его навещать.

– А по-моему, он скверный человек, – заметил Хауберк, снова взявшись за молот. Я слушал золотой звон по щитку наголенника; когда он закончил, я ответил:

– Нет, он не скверный, и ни на йоту не безумен. Его разум – палата чудес, из которой можно извлекать такие сокровища, какие нам с вами пришлось бы искать годами.

Хауберк рассмеялся. Я немного нетерпеливо продолжил:

– Он знает историю как никто другой. Ничто, даже самое тривиальное, не ускользает от его пытливого ума, а память его так совершенна, так внимательна к деталям, что знай жители Нью-Йорка, что существует такой человек, они бы не уставали его восхвалять.

– Вздор, – пробормотал Хауберк, разыскивая на полу упавшую заклепку.

– Разве вздор, – спросил я, стараясь подавить свои чувства, – разве вздор, будто, по его словам, нарядвенники и поножи эмалированных доспехов, общеизвестных как «Княжеские гербовые», можно отыскать среди ржавого театрального реквизита, поломанных печей ихлама старьевщиков на чердаке на Пелл-стрит?

Молот Хауберка упал на пол, но он подобрал его и поинтересовался, необычайно спокойно, откуда я узнал, что в «Княжеских гербовых» не хватало нарядвенников и левого поножа?

– Я и не знал, пока об этом недавно не упомянул господин Уайльд. Он сказал, что они на чердаке дома 998 на Пелл-стрит.

– Вздор! – воскликнул он, но я заметил, как дрожит его рука под кожаным фартуком.

– А вздор ли, – спросил я любезно, – вздор ли, что господин Уайльд постоянно называет вас маркизом Эйвоншира, а мисс Констанс...

Я не успел закончить, потому как Констанс вскочила на ноги с ужасом, написанном на каждой черте лица. Хауберк взглянул на меня и медленно разгладил кожаный фартук.

– Это невозможно, – заметил он. – Господин Уайльд знает многое...

– О доспехах, например, и «Княжеских гербовых», – вставил я с улыбкой.

– Да, – медленно продолжил он, – и о доспехах тоже – может быть, – но он ошибается в отношении маркиза Эйвоншира, который, как вам известно, когда-то давно убил очернителя своей жены и бежал в Австралию, где ненадолго пережил супругу.

– Господин Уайльд ошибается, – прошептала Констанс. Ее губы побледнели, но голос был нежен и спокоен.

– Что ж, сойдемся на том, что в этом конкретном случае господин Уайльд ошибся, – сказал я.

II

Я вскарабкался по трем ветхим пролетам ступеней, по которым так часто карабкался ранее, и постучался в маленькую дверцу в конце коридора. Господин Уайльд раскрыл дверь и я вошел.

Заперев дверь на два замка и приперев тяжелым сундуком, он сел рядом со мной, изучая мое лицо маленькими светлыми глазками. На его носу и щеках виднелась дюжина новых царапин, а серебряная проволока, на которой держались искусственные уши, перекосилась. Я подумал, что не помнил его прежде его столь чудовищно обаятельным. У него не было ушей. Искусственные, какие теперь торчали под кривым углом, были его единственной слабостью. Сделаны они были из воска и раскрашены в нежно-розовый – хотя все его лицо было желтым. Он мог бы не останавливаться на этом и также позволить себе роскошь искусственных пальцев для левой руки, на которой не было ни одного, но, кажется, это не причиняло ему неудобств, и он оставался вполне доволен одними ушами. Ростом он был невелик, едва ли выше ребенка десяти лет, но его руки на удивление развиты, а бедра крепче, чем у иного атлета. И все же самым примечательным в господине Уайльде оставалось то, что у человека столь небывалых интеллекта и знаний была такая голова. Плоская и заостренная, как головы несчастных, каких заключают в психиатрические больницы для слабоумных. Многие звали его сумасшедшим, но я знал, что он был столь же здравомыслящим, как и я.

Не буду отрицать, что он был эксцентричен; в высшей степени эксцентричной казалась его мания дразнить свою кошку, пока та не бросалась ему на лицо, как демон. Я никак не мог понять, зачем он держал это создание и что за удовольствие получал от сиденья в запертой комнате с угрюмым, злобным зверем. Помню, как однажды, подняв взгляд от манускрипта, который я изучал при свете сальных огарков, я увидел господина Уайльда, без движения присевшего на высоком стуле, с едва ли не сверкавшими от возбуждения глазами, пока кошка, поднявшись со своего места у плиты, кралась к нему по полу. Прежде чем я пошевелился, она, дрожа, припала брюхом к полу и метнулась на его лицо. Вопя и брызгая пеной, они катались по полу, царапались и рвали когтями, пока кошка не завизжала и не сбежала под

шкаф, а господин Уайльд перевернулся на спину, прижав конечности, словно ножки мертвого паука. Он действительно был эксцентричен.

Господин Уайльд взобрался на высокий стул и, изучив мое лицо, взял и раскрыл потрепанный гроссбух.

– Генри Б. Мэтьюс, – прочел он, – бухгалтер «Уисот Уисот и Компании», продавцов церковной утвари. Обратился 3-го апреля. Репутация испорчена на бегах. Известен как нерадивый должник. Репутация восстановлена к 1-му августа. Гонорар в пять долларов, – он перевернул страницу и пробежал беспалой ладонью по тесным колонкам.

– П. Грин Дусенбери, священнослужитель, Фейрбич, Нью-Джерси. Репутация испорчена в Бауэри. Восстановить как можно скорее. Гонорар 100 долларов.

Он кашлянул и добавил:

– Обратился 6-го апреля.

– Значит, у вас нет недостатка в средствах, господин Уайльд? – поинтересовался я.

– Слушайте, – закашлялся он снова. – Госпожа Ч. Гамильтон Честер из Честер-Парк, Нью-Йорк. Обратилась 7-го апреля. Репутация испорчена в Дьеппе, Франция. Восстановить к 1-му октября. Гонорар 500 долларов. Примечание. – 1-го октября прибудет по приказу домой из эскадры Южного Моря Ч. Гамильтон Честер, капитан ВМС США «Аваланч».

– Что ж, – сказал я, – профессия восстановителя репутация прибыльна.

Его бесцветные глаза нашли мои.

– Я только хотел продемонстрировать, что был прав. Вы говорили, будто невозможно преуспеть в роли восстановителя репутаций; что даже преуспей я в отдельных случаях, это мне будет стоить дороже, чем я приобрету. Сегодня у меня под началом пять сотен человек, которым недоплачивают, но которые заняты своим делом с энтузиазмом – возможно, рожденным из страха. Эти люди вхожи во все тени и классы общества; некоторые даже столпы самых эксклюзивных социальных храмов; другие опора и гордость финансового мира; третьи безраздельно

властвуют среди «модных и талантливых». Я отбираю их в свободное время из тех, кто отвечает на мои рекламные объявления. Это довольно просто, все они трусы. Могу утроить их число в двадцать дней, если пожелаю. Как видите, в моем кармане те, кто властен над репутациями своих сограждан.

– Они могут обернуться против вас, – предположил я.

Он потер большим пальцем уши и поправил восковые протезы.

– Я так не думаю, – пробормотал он задумчиво. – Мне редко приходится прибегать к кнуту, и достаточно всего одного раза. Кроме того, их устраивает оплата.

– И как же вы применяете кнут? – осведомился я.

На миг на его лицо было страшно глядеть. Глазки уменьшились до зеленых искорок.

– Я приглашаю их прийти и побеседовать со мной, – сказал он мягко.

Его прервал стук в дверь, и на лицо господина Уайльда вернулось добродушное выражение.

– Кто там? – поинтересовался он.

– Господин Стейлетт, – было ответом.

– Приходите завтра, – ответил господин Уайльд.

– Невозможно, – начали за дверью, но тут же замолчали после окрика господина Уайльда.

– Приходите завтра, – повторил он.

Мы слышали, как кто-то отходит от двери и сворачивает за угол к лестнице.

– Кто это был? – спросил я.

– Арнольд Стейлетт, владелец и главный редактор великой «Нью-Йорк Дейли».

Он постучал по grossбуху беспалой рукой, добавив:

– Ему я плачу очень скромно, но он считает, что удачно сторговался.

– Арнольд Стейлетт! – повторил я, изумленный.

– Да, – молвил господин Уайльд с довольным кашлем.

Кошка, войдя в комнату во время его речи, заколебалась, посмотрела на него и зашипела. Он сполз со стула и присел на полу, взял ее на руки и приласкал. Кошка прекратила шипеть и теперь громко мурчала, тембр все увеличивался.

– А где записки? – спросил я. Он указал на стол, и я в сотый раз поднял пачку бумаг, озаглавленных

«ИМПЕРАТОРСКАЯ ДИНАСТИЯ АМЕРИКИ».

Одну за другой я изучал потрепанные страницы, потрепанные только от моего обращения, и, хотя я знал все наизусть, с самого начала – «Когда от Каркозы, Гиад, Хастура и Альдебарана» до «Кастань, Луи де Кальвадос, рожденный 19 декабря 1877» – я читал жадно, с пристальным вниманием, останавливаясь, чтобы произнести отдельные отрывки вслух, и особенно наслаждаясь моментом «Гилдред де Кальвадос, единственный сын Гилдред Кастаня и Эдит Ландес Кастань, наследник», и т.д., и т.д.

Когда я закончил, господин Уайльд кивнул и кашлянул.

– Кстати о вашей законной амбиции, – сказал он, – как поживают Констанс и Луи?

– Она его любит, – просто ответил я.

Кошка на его колене вдруг свернулась и бросилась ему в глаза, а он отшвырнул ее и взобрался на противоположный от меня стул.

– И доктор Арчер! Но это дело вы можете уладить в любой момент, – добавил он.

– Да, – отвечал я, – доктор Арчер подождет, а сейчас пора навестить кузена Луи.

– Пора, – повторил он. Затем взял другой гроссбух со стола и быстро перелистнул несколько страниц. – Мы на связи с десятком тысяч человек, – пробормотал он. – Можем рассчитывать на сотню тысяч в первые сутки, а за сорок восемь часов поднимется весь штат. Страна последует за штатом, а те, что нет – я имею в виду Калифорнию и Северо-запад, – лучше бы и не были населены. Я не пошлю им Желтый Знак.

Кровь бросилась мне в голову, но я лишь ответил:

– Новая метла по-новому метет.

– Дерзания Цезаря и Наполеона бледнеют перед тем, кто не остановится, пока не захватит разум человечества и не будет контролировать даже мысли нерожденных, – молвил господин Уайльд.

– Вы говорите о Короле в Желтом, – выдавил я, передернувшись.

– Он король, которому служили императоры.

– Я готов служить ему, – отвечал я.

Господин Уайльд потер уши покалеченной рукой.

– Возможно, Констанс все же не любит Луи, – предположил он.

Я начал отвечать, но мой голос заглушил внезапный взрыв военного марша с улицы. Двадцатый драгунский пол из гарнизона Маунт Сейнт Винсента возвращался с маневров в округе Вестчестер в новые казармы на площади Ист Вашингтон. То был полк моего кузена. Они были славными малыми, в бледно-синих, узких мундирах, лихо заломленных киверах и белых ездовых бриджах с двойной желтой полоской, которые сидели на ногах как влитые. Каждый эскадрон был вооружен копьями, на их металлических концах трепетали желтые и белые вымпелы. Прошел оркестр, играя полковой марш, затем последовали полковник и штаб,

кони толпились и напирали, их головы качались в унисон, вымпелы трепетали на концах копий. Солдаты, с прекрасной английской осанкой, коричневые от загара, словно ягоды, возвращались с бескровной кампании среди ферм Вестчестера, и музыка их сабель о стремяна и перезвон шпор и карабинов радовали мне сердце. Я увидел Луи в его эскадроне. Он был самым неотразимым офицером, что я знал. Господин Уайльд, оседлавший стул у окна, тоже его заметил, но не сказал ни слова. Луи обернулся и поглядел прямо на лавку Хауберка, проезжая мимо, и я видел румянец на его загоревших щеках. Наверняка у окна стояла Констанс. Когда последние солдаты проскакали мимо и последние вымпелы скрылись на Южной Пятой Авеню, господин Уайльд соскочил со стула и оттащил сундук от дверей.

– Да, – сказал он, – вам пора навестить кузена Луи.

Он отпер дверь, я забрал шляпу и трость и вышел в коридор. На лестнице было темно. Бредя на ощупь, я наступил на что-то мягкое – оно зашипело и отскочило, и я нацелил на кошку смертельный удар, но моя трость разлетелась в щепки о балюстраду, а питомец проскочил назад в комнату господина Уайльда.

Вновь пройдя мимо дверей Хауберка, я увидел, что он еще занят доспехом, но я не остановился и вышел на Бликер-стрит, последовал на Вустер, обошел территорию Палаты Смерти и, перейдя Вашингтон Парк, направился в свою квартиру в здании Бенедик. Там я комфортно позавтракал, прочел «Геральд» и «Метеор» и, наконец, подошел к стальному сейфу в спальне и ввел временную комбинацию на замке. Три и три четверти минуты, через которые откроется замок, были для меня золотыми мгновениями. С момента, когда я вводил комбинацию, до момента, когда хватался за ручку и распахивал тяжелые стальные дверцы, я жил в восторге ожидания. Словно поднимался в рай. Я знал, что найду там по истечении времени. Знал, что огромный сейф скрывает для меня, лишь меня одного, и исключительное удовольствие ожидания сторицей усиливалось, когда сейф открывался и я поднимал с бархатной подушечки диадему из чистейшего золота, сверкающую бриллиантами. Я делаю это каждый день, и все же радость терпения и наконец прикосновения к диадеме, кажется, увеличивается с каждым разом. Это диадема для Короля среди королей, Императора среди императоров.

Король в Желтом наградил бы ее презрительной усмешкой, но ее прилично надеть его слуге.

Я держал диадему в руках, пока в сейфе не зазвенела резко тревога, и тогда с нежностью и гордостью я ее убрал и закрыл стальные дверцы. Медленно вернулся в свой кабинет, окна которого выходят на площадь Вашингтона, и облокотился на подоконник. В окна лилось полуденное солнце, ветви вязов и кленов в парке, покрытые почками и нежной листвой, колебал нежный ветерок. Стайка голубей кружила над башней Мемориальной Церкви; иногда приземлялась на пурпурную черепицу крыш, иногда опускалась к лотосу фонтана перед мраморной аркой. Над клумбами вокруг фонтана трудились садовники, и свежевскопанная земля пахла сладко и остро. Газонокосилка, влекомая толстой белой кобылой, щелкала по зеленому покрову, а тележки с водой брызгали на асфальтовые дорожки. Вокруг статуи Питера Стейвесанта[4], в 1897 году заменившей то уродство, что якобы изображало Гарибальди, в весенних лучах солнца играли дети, а гувернантки катили хитроумные детские коляски с беспечным невниманием к их бледнолицым обитателям, что, вероятно, объяснялось присутствием полудюжины стройных драгунов, томно развалившихся на скамейках. За деревьями, как серебро, блестела на солнце Мемориальная арка Вашингтона, а позади, на восточном краю площади, кипели цветом и движением серые каменные казармы драгунов и белые гранитные артиллерийские конюшни.

Я бросил взгляд на Палату Смерти на противоположном углу площади. Пара зевак еще торчала у позолоченной ограды, но тропы парка были пусты. Я смотрел, как волнятся и блестят фонтаны; воробьи уже отыскивали себе новый уголок для купания, так что чаши были усеяны птичками с пыльными перышками. По лужайкам шагали два-три павлина, а на одной из рук «Мойр» без движения восседал невзрачный голубь, казавшийся частью скульптурной группы.

Пока я беспечно осматривался, мое внимание привлекла любопытная компания у ворот. Внутрь вошел молодой человек, и теперь он нервной походкой шагал по гравийной тропке, что вела к бронзовым дверям Палаты Смерти. На миг он приостановился у «Мойр», и, когда поднял голову к трем таинственным лицам, голубь вспорхнул со своего резного насеста, миг покружил и направился на восток. Молодой человек прижал к лицу руку, затем, с неопределенным жестом, взбежал по мраморным

ступеням, бронзовые двери за ним закрылись, и спустя полчаса толпа рассосалась, а спугнутый голубь вернулся на руки Мойр.

Я надел шляпу и вышел в парк прогуляться перед ужином. Когда я пересекал центральный проезд, из проходящей мимо группы офицеров один окликнул меня: «Привет, Гилдред», – и вернулся пожать руку. Это был мой кузен Луи, он стоял, улыбаясь и постукивая по каблукам со шпорами хлыстом.

– Только вернулись из Вестчестера, – сказал он, – наслаждались буколикой: молоко и творог – ну знаешь, молочницы в чепчиках, которые отвечают «здраастье» и «да бросьте», когда говоришь им, что они красавицы. До смерти соскучился по обычной закуске у Дельмонико. Какие новости?

– Никаких, – умиротворенно отвечал я. – Видел твой полк этим утром.

– Правда? А я тебя не заметил. Где ты был?

– В окне господина Уайльда.

– О черт! – начал он нетерпеливо. – Да он же просто чокнутый! Не понимаю, зачем ты...

Он заметил, как неприятны были мне его слова, и попросил прощения.

– Ну правда, старина, – сказал он, – Я не хотел обижать того, кто тебе нравится, но будь я проклят, если понимаю, что общего, черт возьми, ты видишь у себя с господином Уайльдом. Он, мягко говоря, дурно воспитан; чудовищно искалечен; голова у него как у сумасшедшего преступника. Ты сам знаешь, что он был в психиатрической лечебнице...

– Как и я, – спокойно прервал его я.

Луи сперва казался испуганным и смущенным, но быстро пришел в себя и сердечно похлопал меня по плечу.

– Ты совершенно исцелился, – начал он, но я снова его остановил.

– Полагаю, ты хотел сказать, врачи просто признали, что я никогда и не сходил с ума.

– Ну конечно, именно... именно это я и хотел сказать, – засмеялся он.

Мне не понравился его смех, потому что я знал, что он был натянутым, но все же я весело кивнул и спросил, куда он направлялся. Луи поглядел вслед товарищам-офицерам, которые уже почти достигли Бродвея.

– Мы намеревались отведать коктейль Брансуик, но, сказать по правде, мне не терпелось найти повод улизнуть и повидать Хауберка. Пойдем со мной, станешь моим поводом.

Мы нашли старого Хауберка, облаченного в новый весенний костюм, у дверей лавки, наслаждающегося свежим воздухом.

– Только что решил выйти перед ужином на прогулку с Констанс, – ответил он на стремительный залп вопросов Луи. – Мы думали пройтись по парковой террасе у Северной реки.

Тут появилась Констанс, и то бледнела, то краснела, пока Луи склонился над ее маленькими пальчиками в перчатке. Я попытался на этом распрощаться, сославшись на встречу в верхней части города, но Луи и Констанс и слушать не желали, и я понял, что, по их мыслям, должен был остаться, чтобы занимать старого Хауберка. В конце концов я решил, что за Луи все равно не помешает присмотреть, и, когда они остановили конку на Спринг-стрит, вошел за ними и сел подле оружейника.

Прекрасная линия парков и гранитных террас с видом на верфи у Северной реки, начатая в 1910-м и законченная осенью 1917-го, стала одним из популярнейших мест для променадов в метрополисе. Она протянулась от батареи на 190-й Стрит, возвышаясь над величавой рекой и даруя славный вид на побережье Джерси и Хайлендс. Тут и там среди деревьев были разбросаны кафе и рестораны, а дважды в неделю на сценах у парпетов играл военный оркестр из гарнизона.

Мы уселись на солнышке на скамье у подножия статуи генерала Шеридана на коне. Констанс наклонила зонтик, чтобы прикрыть глаза, и они с Луи завели негромкую беседу, из которой невозможно было разобрать ни слова. Старый Хауберк, облокотившись на трость с

набалдашником из слоновой кости, зажег превосходную сигару, от товарки которой я вежливо отказался, и рассеянно улыбнулся. Солнце висело низко над лесами Стейтен-Айленд, и бухта выкрасилась в золотые оттенки, отраженные от согретых парусов флота в порту.

Бриги, шхуны, яхты, неуклюжие паромы, на палубах которых толпились люди, железнодорожный транспорт со связками коричневых, голубых и белых грузовых вагонов, громогласные пароходы, деклассированные трамповые суда, каботажники, драгеры, шаланды, и везде, по всей бухте, пыхтели и услужливо свистели нахальные маленькие буксиры; – эти суда кипели в солнечных водах всюду, куда хватало глаз. Спокойным контрастом спешке парусных судов и пароходов на середине реки лежал безмолвный флот белых военных кораблей.

Веселый смех Констанс пробудил меня от размышлений.

– На что вы смотрите? – поинтересовалась она.

– Ни на что... на флот, – улыбнулся я.

Потом Луи рассказал нам про корабли, называя каждый по порядку от старого Красного Форта на Губернаторском острове.

– Эта маленькая штука в виде сигары – торпедоносец, – объяснял он. – Вот еще четыре вместе. Это «Тарпон», «Ястреб», «Морская лисица» и «Осьминог». Канонерки повыше – «Принстон», «Шамплен», «Стиллуотер» и «Жуткий». Рядом стоят крейсера «Фарагут» и «Лос-Анджелес», а над ними – линкоры «Калифорния», и «Дакота», и «Вашингтон» – это флагман. Те два приземистых куска железа, что бросили якорь у замка Уильямс, – мониторы с двойными турелями «Ужасный» и «Великолепный»; позади них таранное судно «Оцеола».

Констанс глядела на него с глубоким уважением в красивых глазах.

– Сколько всего вы знаете для солдата, – сказала она, и мы все присоединились к ее смеху.

Вскоре Луи, кивнув нам, встал и протянул руку Констанс, и они двинулись вдоль реки. Хауберк понаблюдал за ними миг, затем повернулся ко мне.

– Господин Уайльд оказался прав, – сказал он. – Я нашел недостающие налядвенники и левый понож на захламленном грязном чердаке на Пелл-стрит.

– 998? – уточнил я с улыбкой.

– Да.

– Господин Уайльд очень знающий человек, – заметил я.

– Я хочу отдать ему должное за такое важное открытие, – продолжил Хауберк. – Пусть вся слава принадлежит ему.

– Он вас за это не поблагодарит, – резко сказал я, – прошу, ничего не говорите об этом.

– Вы знаете, сколько они стоят? – спросил Хауберк.

– Нет. Может, долларов пятьдесят.

– Они оцениваются в пять сотен, но владелец «Княжеских гербовых» даст две тысячи долларов тому, кто завершит его доспех; эта награда так же по праву принадлежит господину Уайльду.

– Она ему не нужна! Он откажется! – гневно воскликнул я. – Что вы знаете о господине Уайльде? Ему не нужны деньги. Он богат – или станет богатым – богаче любого человека на свете, кроме меня. На что нам деньги, если... на что они нам, ему и мне, когда... когда...

– Когда что? – спросил Хауберк в изумлении.

– Увидите, – ответил я, взяв себя в руки.

Он посмотрел на меня с прищуром, как раньше смотрел доктор Арчер, и я понял – ему показалось, будто я психически нездоров. Может быть, к счастью, что он не произнес тогда слово «ненормальный».

– Нет, – ответил я на его невысказанные мысли. – Я не слабоумный; мой разум столь же трезв, как у господина Уайльда. Мне не хочется сейчас пускаться в объяснения, но речь идет об инвестиции, которая окупится не

только лишь золотом, серебром или самоцветами. Она обеспечит счастье и процветание континента – да, полушария!

– О, – сказал Хауберк.

– И в конце концов, – продолжил я тише, – обеспечит счастье целого мира.

– И между делом – счастье и процветание вас с господином Уайльдом?

– Вот именно, – улыбнулся я. Хотя готов был задушить его за такой тон.

Он молча посмотрел на меня, а затем сказал очень мягко:

– Почему бы вам не бросить книжки да учебу, господин Кастань, да не отправиться куда-нибудь в горы в путешествие? Вы раньше увлекались рыбалкой. Проведете денек-другой за ловлей форели в Рангелисе.

– Рыбалка мне больше не интересна, – ответил я без тени раздражения.

– Раньше вы многим увлекались, – продолжал он, – спортом, мореплаванием, стрельбой, лошадьми...

– С тех пор, как я упал, я больше не катаюсь, – сказал я тихо.

– Ах, да, упали, – повторил он, отворачиваясь.

Я решил, что этот вздор зашел уже слишком далеко, так что вернул разговор к господину Уайльду; но он снова изучил мое лицо в крайне оскорбительной манере.

– Господин Уайльд, – повторил он, – а вы знаете, что он учудил сегодня днем? Спустился и прибил рядом с моей дверью в коридоре табличку; на ней сказано:

Г-н Уайльд,

ВОССТАНОВИТЕЛЬ РЕПУТАЦИЙ.

Третий звонок.

Вы, случаем, не знаете, что это такое – Восстановитель репутаций?

– Знаю, – отвечал я, подавляя гнев.

– Ах, – снова повторил он.

Луи и Констанс вернулись и остановились спросить, не хотим ли мы присоединиться. Хауберк поглядел на часы. В тот же миг со стен замка Уильямс поднялся клуб дыма, и грохот закатной пушки прокатился над водой и отразился от Хайлендс. На флагштоке опустили стяг, на белых палубах линкоров зазвучали рожки и на берегу Джерси загорелся первый электрический свет.

Когда мы с Хауберком повернули к городу, я услышал, как Констанс что-то пробормотала Луи, однако слов я не разобрал; но Луи прошептал в ответ «Моя дорогая»; и снова, пока мы с Хауберком шли впереди по площади, я расслышал обрывки «милая» и «моя Констанс», и знал, что уже почти настала пора, когда мне придется побеседовать с кузеном Луи на важные темы.

III

Однажды ранним майским утром я стоял у стального сейфа в спальне, примеривая золотую украшенную корону. Бриллианты полыхнули огнем, когда я повернулся к зеркалу, и сусальное золото горело нимбом на моей голове. Я вспомнил мучительный крик Камиллы и ужасные слова, гулко отдававшиеся по тусклым улицам Каркозы. То были последние реплики первого акта, и я не смел думать о том, что последовало далее – не осмеливался даже при весеннем свете, даже в собственной комнате, окруженный знакомыми вещами, успокоенный гамом с улицы и голосами слуг из коридора. Ибо эти ядовитые слова медленно просочились в мое сердце, как пот от страха в простыню, и впитались. Дрожа, я снял диадему с головы и отер лоб, но подумал о Хастуре и моей праведной цели, и вспомнил господина Уайльда, которого я оставил с расцарапанным и окровавленным когтями этого дьявольского создания лицом, и то, что он сказал, – ах, что он сказал. В сейфе резко зазвенела тревога, и я понял, что время вышло; но не обратил внимания и снова надел сверкающее кольцо на голову, демонстративно отвернувшись к зеркалу. Я долго стоял так, поглощенный меняющимся выражением своих глаз. Зеркало отражало лицо, похожее на мое, но блеее, и настолько тоньше, что я едва его узнавал. И все время я твердил сквозь зубы: «Пробил час! Пробил час!», пока в сейфе звенела и галдела тревога, а бриллианты искрились и пылали на челе. Я слышал, как открылась дверь, но не обратил внимания. Только когда я увидел в зеркале два лица... только когда второе лицо возникло у меня за плечом и чужой взгляд встретил мой. Я развернулся в мгновение ока и выхватил длинный кинжал из туалетного столика, и кузен, побледнев, отскочил, воскликнув: «Гилдред! господи боже!», а когда я опустил руку, сказал:

– Это же я, Луи, ты меня не узнаешь?

Я молчал. Не мог выдавить ни слова. Он подошел ко мне и забрал нож из руки.

– Что все это значит? – поинтересовался он мягким голосом. – Тебе дурно?

– Нет, – ответил я. Но сомневался, что он меня услышал.

– Ну, ну, старый приятель, – воскликнул он, – сними эту медную корону и шагай в кабинет. Ты собрался на маскарад? На что тебе театральная мишура?

Я был рад, что он принял корону за поделку из меди и клея, хотя и не стал из-за этого думать о нем лучше. Я позволил забрать ее, зная, что сейчас лучше ему потворствовать. Он подкинул великолепную диадему в воздухе, поймал и повернулся ко мне с улыбкой.

– Ей цена полдоллара, – сказал он. – На что она тебе?

Я не отвечал, но забрал кольцо из его рук и поместил в сейф, захлопнув массивную стальную дверцу. Тревога тут же прекратила свой галдеж. Он с интересом наблюдал за мной, но, казалось, не заметил, как неожиданно восстановилась тишина. Лишь обозвал сейф коробкой из-под печенья. Опасаясь, что он запомнит комбинацию, я перешел в кабинет. Луи бросился на софу и щелкнул на мух своим вечном хлыстом. На нем была униформа – мундир с плетением и лихо заломленное кепи, – и я заметил, что его сапоги забрызганы красной глиной.

– Где ты был? – поинтересовался я.

– Скакал по грязным ручьям в Джерси, – сказал он. – Не было времени переодеться; торопился повидаться с тобой. Не найдется ли у тебя стаканчика чего-нибудь? Я до смерти устал; целые сутки не сходил с седла.

Я подал бренди из шкафчика с лекарствами, который он выпил с гримасой.

– Чертовски отвратительное пойло, – заметил он. – Я дам тебе адресок, где продают бренди, которое не стыдно назвать бренди.

– Для моих нужд хватает и этого, – безразлично ответил я. – Я втираю его в грудь. – он уставился на меня и щелкнул еще одну муху.

– Видишь ли, старина, – начал он, – я хочу тебе кое-что предложить. Вот уже четыре года как ты заперся здесь, как филин, никуда не ходишь, не займешься чем-нибудь полезным, ничего не делаешь, кроме как слепишь глаза над книжками с этой каминной полки.

Он бросил взгляд на ряды книг.

– Наполеон, Наполеон, Наполеон! – прочел он. – Святые угодники, у тебя есть что-то, кроме Наполеона?

– Их бы стоило переплести в золоте, – сказал я. – Но погоди, да, есть и другая книга, «Король в Желтом». – И я спокойно посмотрел ему в глаза.
– Ты не читал?

– Я? Нет, слава богу! Я же не хочу сойти с ума.

Я увидел, что он пожалел о своих словах в тот же миг, как их произнес. Есть только одно слово, что я презираю больше «ненормального», – это слово «сумасшедший». Но я удержал себя в руках и спросил, почему он считал «Короля в Желтом» опасным.

– О, не знаю, – сказал он поспешно. – Только помню шумиху, что поднялась вокруг книги, и осуждение церковью и прессой. Кажется, автор застрелился, написав эту чудовищную вещь, верно?

– По-моему, он еще жив, – ответил я.

– Может, и правда, – пробормотал он, – такому злодею пули мало.

– Это книга великих истин, – сказал я.

– Да, – ответил он. – «Истин», из-за которых люди теряли рассудок и кончали с собой. Мне все равно, даже если этот текст, как говорят, достиг высот искусства. Написать такое – преступление, и я точно ни за что не раскрою этих страниц.

– Ты это пришел мне сказать? – спросил я.

– Нет, – ответил он, – я пришел сообщить, что собираюсь жениться.

Кажется, на миг мое сердце замерло, но я не спускал глаз с его лица.

– Да, – продолжил он со счастливой улыбкой, – жениться на самой славной девушке на земле.

– На Констанс Хауберк, – машинально сказал я.

– Откуда ты знаешь? – воскликнул он в изумлении. – Я и сам этого не знал до вечера в прошлом апреле, когда мы прогуливались по набережной перед ужином.

– Когда назначена церемония?

– Планировалась на следующий сентябрь, но час назад пришла депеша с приказом перевести наш полк в Президио, Сан-Франциско. И мы назначили ее на завтра в полдень. Завтра, – повторил он. – Только подумай, Гилдред, завтра я стану самым счастливым человеком, что когда-либо ходил под небесным сводом, ибо Констанс выйдет за меня.

Я пожал ему руку, поздравляя, и он схватил и затряс ее, как доверчивый дурак, каким он и являлся – или притворялся.

– Я получу в подарок на свадьбу эскадрон, – продолжал болтать он. – Капитан и г-жа Луи Кастань, а, Гилдред?

Затем он рассказал, где все пройдет и кто будет присутствовать, и заставил пообещать стать шафером. Я сжал зубы и слушал его мальчишескую похвальбу, не выказывая истинных чувств, но...

Мое терпение уже истощалось, когда он вскочил и, щелкнув каблуками так, что зазвенели шпоры, сказал, что должен идти, и дольше я его не задерживал.

– Но есть одно, о чем я хочу тебя попросить, – тихо сказал я.

– Выкладывай, все сделаю, – засмеялся он.

– Я хочу встретиться с тобой сегодня ночью, поговорить с четверть часа.

– Ну конечно, если хочешь, – сказал он, несколько озадаченный. – Где?

– Где угодно, например в парке.

– Во сколько, Гилдред?

– В полночь.

– Что, во имя... – начал он, но запнулся и со смехом согласился. Я смотрел, как он спустился по лестнице и торопливо ушел, стуча саблей на каждом шагу. Он свернул на Бликер-стрит, и я понял, что он спешит на встречу с Констанс. Я дал ему десять минут и отправился следом, прихватив с собой драгоценную корону и шелковую мантию с вышитым Желтым Знаком. Повернув на Бликер-стрит, я вошел в двери с табличкой

Господин Уайльд

ВОССТАНОВИТЕЛЬ РЕПУТАЦИЙ

Третий звонок.

Я видел, как Хауберк ходит по лавке, и мне показалось, будто в прихожей раздался голос Констанс; но я сумел избежать встречи и поспешил по трясущейся лестнице к квартире господина Уайльда. Я постучал и без церемоний вошел. Господин Уайльд лежал, постанывая, на полу – лицо залито кровью, одежда изорвана в клочья. Капли крови были рассеяны по ковру, тоже истрепанном и изорванном в недавней схватке.

– Проклятая кошка, – сказал он, прекратив стонать и обратив ко мне бесцветные глаза. – Она напала на меня во сне. Уверен, скоро она меня прикончит.

Это было слишком, так что я пошел на кухню и, захватив топорик из буфетной, принялся за поиски адского зверя, чтобы покончить с ним раз и навсегда. Поиски оказались бесплодны, и немного погодя я сдался и вернулся к господину Уайльду, который скрючился на высоком стуле у стола. Он смыл кровь с лица и сменил одежду. Огромные борозды, что пропахали когти кошки, он залил коллодием, а тряпка скрыла рану на горле. Я сказал, что убью кошку, как только увижу, но он лишь покачал головой и повернулся к лежащему перед ним гротеску. Он читал имя за именем людей, что пришли к нему по вопросу репутации, и накопленные им суммы поражали воображение.

– Иногда приходится закручивать гайки, – объяснил он.

– Однажды кто-то из них убьет вас, – заявил я.

– Вы так думаете? – сказал он, поглаживая изувеченные уши.

Спорить с ним было бесполезно, так что я взял манускрипт «Императорской династии Америки», ибо это последний раз, когда мне доведется читать его в кабинете господина Уайльда. Я прочел от начала до конца, трепеща и дрожа от удовольствия. Когда я закончил, господин Уайльд забрал манускрипт, обернулся к темному проходу, что вел из кабинета в спальню, и громко позвал:

– Вэнс.

Тогда я впервые заметил человека, что скорчился там в тени. Представить не могу, как я проглядел его во время розыска кошки.

– Вэнс, войди, – воскликнул господин Уайльд.

Фигура поднялась и подкралась к нам, и я никогда не забуду лица, на которое упал свет из окна.

– Вэнс, это господин Кастань, – сказал господин Уайльд. Не успел он договорить, как человек бросился у стола на пол, плача и всхлипывая: «О Боже! О мой бог! Помогите! Простите меня! О, господин Кастань, удержите этого человека. Вы не можете, не можете так поступать! Вы другой – спасите меня! У меня нет ни гроша – я был в дурдоме, и теперь... когда все вновь пошло на лад... когда я забыл Короля... Короля в Желтом, и... но я снова потеряю разум – я потеряю разум...»

Его речь захлебнулась, так как господин Уайльд бросился на него и правой рукой охватил его горло. Когда Вэнс мешком свалился на пол, господин Уайльд снова проворно взлетел на стул и потер изуродованные уши култей, обернулся ко мне и попросил подать грессбук. Я взял книгу с полки и он ее раскрыл. Немного поискав среди исписанных безупречным почерком страниц, он самодовольно кашлянул и указал на имя Вэнса.

– Вэнс, – прочел он вслух, – Осгуд Освальд Вэнс. – при звуке своего имени человек на полу поднял голову и повернул искаженное лицо к господину Уайльду. Его глаза налились кровью, губы распухли.

– Обратился 29-го апреля, – продолжил господин Уайльд. – Род занятий – кассир в Национальном Банке Сифорта; провел срок в Синг-Синге за фальшивомонетчество, откуда позже был переведен в психиатрическую лечебницу для душевнобольных преступников. Амнистирован губернатором Нью-Йорка и освобожден из лечебницы 19-го января 1918 года. Репутация испорчена в Шипшед Бэй. По слухам, живет не по доходам. Репутация восстановлена немедленно. Гонорар 1,500 долларов. Заметка: незаконно присваивал сумму до 30,000 долларов с 20-го марта 1919 года, достойная семья, получил нынешнюю должность по патронажу дяди. Отец – президент Банка Сифорт.

Я посмотрел на человека на полу.

– Вставайте, Вэнс, – произнес господин Уайльд мягко. Вэнс поднялся, точно загипнотизированный. – Теперь он сделает все, что мы скажем, – заметил господин Уайльд, и, раскрыв манускрипт, прочел всю историю императорской династии Америки. Затем успокаивающим голосом повторил основные даты Вэнсу, который стоял, как истукан. Глаза его были такими пустыми и отсутствующими, что мне показалось, будто он ополоумел, и я обратил на это внимание господина Уайльда, но тот ответил, что никаких последствий быть не должно. Очень терпеливо он объяснил Вэнсу, в чем заключается его участие в деле, и, кажется, немного погодя тот все понял. Господин Уайльд указал, что рукопись подводила итог его исследованиям нескольких томов по геральдике. Он упомянул о начале династии в Каркозе, озерах, которые объединяли Хастур, Альдебаран и тайну Гиад. Говорил о Кассильде и Камилле, не забыл и о туманных глубинах Дема, и озере Хали.

– Рваные лохмотья Короля в Желтом должны навек скрыть Итилль, – бормотал он, но я не уверен, что Вэнс его слышал. Затем, постепенно, он ознакомил Вэнса с генеалогическим древом императорской семьи, до Уота и Таля, от Наотальбы и Призрака Истины до Альдонеса, а затем, отложив рукопись и заметки, начал удивительную историю Последнего Короля. Зачарованный и увлеченный, я наблюдал за ним. Он запрокинул голову, его длинные руки были вытянуты в великолепном жесте гордости и силы, а глаза, глубоко посаженные в глазницах, сверкали как два изумруда. Вэнс отупело слушал. Что до меня, то, когда наконец господин Уайльд закончил и указал на меня, воскликнув «Кузен Короля», у меня перед глазами все поплыло из-за восторга.

С нечеловеческими усилиями держа себя в руках, я объяснил Вэнсу, почему только я достоин короны и почему мой кузен должен стать изгнанником или умереть. Я дал понять, почему тому нельзя жениться на дочери маркиза Эйвоншира и вовлекать в дела Англию. Я показал ему список тысячи имен, которые записал господин Уайльд; всякий, чье имя было в списке, получил Желтый Знак, которым ни единый человек не осмелится пренебречь. Город, государство, весь континент был готов восстать и трепетать предо мной и Бледной Маской.

Пробил час, люди узнают о сыне Хастура, и весь мир склонится пред черными звездами, что светят в небесах над Каркозой.

Вэнс облокотился о стол, обхватив голову руками. Господин Уайльд набросал огрызком свинцового карандаша грубый чертеж на краю вчерашнего «Геральда». Это был план комнат Хауберка. Затем он написал указ и приложил печать, и я, дрожа как осиновый лист, подписал свой первый смертный приговор – Rex Гилдред.

Господин Уайльд сполз на пол и отпер шкафчик, достал с нижней полки длинную прямоугольную шкатулку. Перенес ее на стол и раскрыл. Внутри на папиросной бумаге лежал кинжал, который я взял и протянул Вэнсу вместе с указом и планом квартиры Хауберка. Затем господин Уайльд отпустил Вэнса восвояси; он вышел, волоча ноги, как последний изгой из трущоб.

Какое-то время я наблюдал, как дневной свет скрывается за квадратной башней Мемориальной церкви Джадсона, и, наконец, забрав манускрипт и заметки, взял шляпу и направился к дверям.

Господин Уайльд безмолвно наблюдал за мной. Шагнув в коридор, я оглянулся. Маленькие глазки господина Уайльда цепко впились в меня. Позади него в угасающем свете сгущались тени. Затем я закрыл дверь и вышел на темнеющую улицу.

У меня с самого завтрака не было во рту маковой росинки, но есть и не хотелось. Жалкое оголодавшее существо, стоявшее на улице напротив Палаты Смерти, заметило меня и подошло поведать свою страдальческую историю. Я подал денег – сам не знаю, зачем – и он ушел, не поблагодарив. Час спустя появился еще один изгой и тоже принялся канючить. В кармане у меня остался только обрывок бумаги с

начертанным Желтым Знаком, и я отдал его. Он тупо смотрел на него с минуту, а затем, бросив на меня неуверенный взгляд, сложил с преувеличенной заботой и спрятал за пазухой.

Среди деревьев сверкали электрические огни и в небе над Палатой Смерти светила новая луна. Ожидание было утомительно; я бродил от Мраморной арки до артиллерийских конюшен и снова к фонтану-лотосу. Цветы и трава выдыхали тревоживший меня аромат. Струи фонтана играли на лунном свете, и музыкальный плеск падающих капель напомнил мне о звоне кольчуги в лавке Хауберка. Но плеск был не настолько завораживающий, а тусклые искры лунного света на воде не приносили чувства глубокого удовольствия, как солнце, игравшее на полированной стали лат на колене Хауберка. Я наблюдал, как над водными растениями в чаше фонтана мелькают и парят летучие мыши, но из-за их быстрого, рваного полета мои нервы натянулись до предела, и я снова ушел, чтобы бесцельно шататься туда-сюда среди деревьев.

В артиллерийских конюшнях было темно, но офицерские окна кавалерийских казарм были ярко освещены, а в воротах постоянно мельтешили солдаты в форме, таская сено, сбруи и ведра, полные жестяной посуды.

Пока я бродил по асфальтовой дорожке, у ворот дважды сменился конный караул. Я поглядел на часы. Время почти пришло. В казармах гасло окно за окном, решетчатые ворота заперли и каждую минуту-две через боковую калитку уходил офицер, бренча снаряжением и звеня шпорами в ночи. На площади стало очень тихо. Последнего бездомного бродягу увел парковый полицейский в серой куртке, рельсы вдоль Вустер-стрит были пусты, и единственными звуками, нарушающими покой, были цокот коня караульного и стук его сабли о луку седла. В казармах еще светились квартиры офицеров, эркеров сновали денщики. С новой колокольни церкви Св. Франциска Ксаверия пробило полночь, и, на последнем ударе печального колокола в калитке у опускной решетки появилась фигура, отдала честь караульному, перейдя улицу, вошла на площадь и направилась к многоквартирному дому Бенедик.

– Луи, – окликнул я.

Он развернулся на каблуках со шпорами и подошел ко мне.

– Это ты, Гилдред?

– Да, ты вовремя.

Я пожал протянутую руку и мы прогулочным шагом двинулись к Палате Смерти.

Он болтал о свадьбе и добродетелях Констанс, об их будущих перспективах, обратил мое внимание на капитанские погоны и тройную золотую арабеску на рукаве и форменном кепи. Кажется, я слушал его мальчишеское бахвальство так же внимательно, как и музыку шпор и сабли; наконец мы встали под вязами на углу Четвертой Стрит, напротив Палаты Смерти. Здесь он рассмеялся и спросил, чего я от него хотел. Я предложил сесть на скамейку под электрическим фонарем и сам сел рядом. Он смотрел на меня с любопытством – тот же ищущий взгляд, какой я ненавижу и какого боюсь у врачей. Я чувствовал оскорбительность этого взгляда, но он об этом не догадывался, и я старательно скрывал свои ощущения.

– Что ж, старина, – поинтересовался он, – чем могу тебе помочь?

Я извлек из кармана рукопись и заметки об Императорской династии Америки, и, глядя ему в глаза, произнес:

– Я отвечу. Дай слово солдата, что прочтешь сей манускрипт от начала до конца без единого вопроса. Обещай прочесть и эти заметки, и обещаю выслушать, что я скажу тебе после.

– Обещаю, если хочешь, – сказал он миролюбиво. – Давай бумаги, Гилдред.

Он принялся за чтение, озадаченно и капризно вознес брови, из-за чего я задрожал от плохо скрываемого гнева. Чем дальше он углублялся, тем больше изгибались брови, а губы складывались в слово «ерунда».

Потом он заскучал, но – видимо, ради меня – читал, имитируя интерес с большим трудом. Он остановился, когда на страницах с убористым почерком дошел до своего имени, а когда нашел мое, опустил лист и бросил взгляд на меня. Но он сдержал слово и продолжил чтение, и я дал нерожденному вопросу умереть на его губах без ответа. Дойдя до

конца и увидев подпись господина Уайльда, он аккуратно сложил бумагу и отдал мне. Я передал ему заметки, и он откинулся назад, сдвинул форменное кепи на лоб мальчишеским жестом, какой я помнил еще со школы. Я наблюдал за его лицом, и, когда он дочитал, забрал заметки и рукопись и поместил в карман. Затем развернул свиток с Желтым Знаком. Он увидел знак, но, похоже, не узнал, и я резко посоветовал присмотреться.

– Ну, – сказал он, – вижу. И что это?

– Это Желтый Знак, – разгневанно произнес я.

– А, вот оно что, значит? – сказал Луи лицемерным тоном, каким со мной говорил доктор Арчер, и наверняка бы заговорил снова, если бы я уже не уладил наши разногласия.

Я подавил гнев и ответил так ровно, как мог:

– Ты что, забыл о своем слове?

– Слушаю, старина, – промолвил он мягко. Я очень спокойно заговорил:

– Доктор Арчер, как-то прознав о тайне императорского престолонаследия, пытался лишить меня законных прав, заявив, что из-за падения с коня четыре года назад я стал умственно неполноценным. Он решил заключить меня под стражу в лечебнице в надежде свести с ума или отравить. Я этого не забыл. Вчера ночью я нанес ему визит, и наша беседа стала последней.

Луи немного побледнел, но не пошевелился. Я торжествующе продолжал:

– Во имя моих с господином Уайльдом интересов нужно побеседовать еще с тремя людьми. Это мой кузен Луи, господин Хауберк и его дочь Констанс.

Луи вскочил на ноги, и я поднялся следом, и швырнул бумагу с Желтым Знаком на землю.

– О, мне не нужно объяснять, что ты должен сказать, – воскликнул я с торжествующим смешком. – Ты должен отречься от короны в мою пользу – ты слышишь – в мою!

Луи глядел на меня с испуганным выражением, но взял себя в руки и мягко сказал:

– Конечно, я отрекаюсь от... от чего я должен отречься?

– От короны, – гневно отвечал я.

– Конечно, – сказал он. – Отрекаюсь от нее самой. Пойдем, друг, я провожу тебя до квартиры.

– Со мной не пройдут твои докторские трюки, – воскликнул я, дрожа от ярости. – Не веди себя так, словно я сумасшедший.

– Какой вздор, – отвечал он. – Идем, становится поздно, Гилдред.

– Нет, – вскричал я, – ты должен выслушать. Тебе нельзя жениться, я запрещаю. Ты слышишь? Я запрещаю. Отрекись от короны, и в награду я дарую тебе изгнание, но если откажешься – умрешь.

Он пытался успокоить меня, но я уже распалился и, выхватив нож, помешал его намерениям.

Затем рассказал, как доктора Арчера обнаружат в подвале с перерезанным горлом, и засмеялся ему в лицо, вспомнив о Вэнсе и его ноже, и приказе, подписанном мною.

– Ах, сейчас ты Король, – воскликнул я. – Но Королем стану я! Кто ты, чтобы удержать меня от установления Империи на всей обитаемой земле? Я рожден кузеном короля, но сам стану Королем!

Луи стоял рядом, белый и напряженный. Внезапно по Четвертой Стрит пронесся человек, вбежал в ворота Храма Смерти, направил свои стопы к бронзовым дверям и ворвался в палату смерти с криком умалишенного, и я смеялся до слез, ибо узнал Вэнса, и понял, что Хауберк и его дочь больше не стоят у меня на пути.

– Иди, – крикнул я Луи, – ты мне более не угроза. Теперь тебе никогда не жениться на Констанс, а если во время своего изгнания ты женишься на ком-то другом, я приду к тебе, как вчера пришел к доктору. Господин Уайльд позаботится о тебе завтра. – затем я повернулся и бросился к Южной Пятой Авеню, и с криком ужаса Луи скинул пояс и саблю и помчался за мной, как ветер. Я слышал, как он дышит мне в спину на углу Бликер-стрит, и кинулся в дверь под табличкой Хауберка. Он вскричал: «Остановись, или буду стрелять», но, когда увидел, что я взлетел по лестнице, оставив лавку Хауберка внизу, отстал, и я слышал, как он молотит и кричит в их дверь, словно возможно разбудить мертвого.

Дверь господина Уайльда была распахнута, и я вошел, восклицая: «Все готово, готово! Пусть нация восстанет и преклонит колена перед Королем!», но господина Уайльда нигде не было, так что я перешел в кабинет и взял из футляра великолепную диадему. Затем облачился в белую шелковую мантию с вышитым Желтым Знаком и поместил корону на голову. Наконец я стал Королем, истинным Королем Хастура, Королем, ибо я знал тайну Гиад и мой разум постиг глубины озера Хали. Я был Королем! При первых серых набросках рассвета поднимется буря, что потрясет оба полушария. Когда я стоял со звенящими от высочайшего напряжения нервами, ослабевший от ликования и величия помыслов, в темном проходе вдруг застонал человек.

Я схватил сальную свечку и подскочил к двери. Мимо меня пролетела, как демон, кошка, и сальный огрызок погас, но мой длинный кинжал оказался быстрее, и, услышав визг, я понял, что клинок отыскал свою цель. Миг я слушал, как кошка бьется и содрогается в темноте, а когда ее агония улеглась, засветил лампу и поднял над головой. Господин Уайльд лежал на полу с разорванным горлом. Сперва я подумал, что он мертв, но в его впавших глазах сверкнула зеленая искорка, изуродованная рука задрожала, и затем спазм перекошил рот от уха до уха. На миг ужас и упадок духа уступили надежде, но, когда я наклонился, его зрачки закатились и он умер. Когда я поднялся, обуреваемый гневом и отчаянием, увидев, как рядом с погибшим хозяином распростерлись моя корона, моя империя, всякая надежда и устремление, самая моя жизнь, пришли они, схватили меня сзади и скрутили так, что вены вздулись, как веревки, а голос захлебнулся в пароксизмах обезумевших криков. Но я все ярился и бесновался, и не один полицейский почувствовал на себе мои острые зубы. Только когда я уже не мог пошевелиться, ближе

подошли они; я увидел старого Хауберка, и позади – мертвенно-бледное лицо кузена Луи, и еще дальше, в углу, женщину, Констанс, со слезами на глазах.

– А! Теперь я понял! – возопил я. – Вы отняли мой трон и империю. Чума! Чума на тех, кто носит корону Короля в Желтом!

[ПРИМ. РЕД. – Г-н Кастань скончался вчера в психиатрической лечебнице для душевнобольных.]

Перевод: Сергей Карпов

Dmitry Solonin

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] (фр.) Не глумитесь над дураками: их безумие длится дольше нашего... в этом вся разница.

[2] Имеется в виду Всемирная выставка 1893.

[3] Имеется в виду статуя Уильяма Эрла Доджа, известного бизнесмена в годы Гражданской войны. Его статуя на самом деле стоит в Нью-Йорке до сих пор.

[4] Последний генерал-губернатор голландских владений в Северной Америке, известных как Новые Нидерланды.